Возчиков Дмитрий Викторович

(УрФУ им. Б.Н. Ельцина)

Наследники римлян или «вероломные гречишки»? Византия в интеллектуальном дискурсе венецианцев XIV–XV вв.

Векторы исторического развития Византии и Венецианской республики, бывшей некогда частью империи, в XIV – первой половине XV вв. были направлены в противоположные стороны. Мощь Византии Палеологов угасала, Венеция же достигла зенита своего торгового и военного могущества. Венецианский нарратив этих двух столетий отводил греку роль главного Другого (или, по крайней мере, одного из главных Других, наряду с турком). Это было необходимо в конструировании идентичности и официальной идеологии – венецианского мифа, комплекса представлений об уникальности, совершенстве и незыблемости морской республики. Данный доклад рассматривает венецианский «стиль интеллектуального обладания»[1] (выражение Л. Вульфа), по отношению к Византии и грекам на примере образов империи и греков венецианских колоний в трудах архитекторов венецианского мифа.

Историко-географический трактат венецианского государственного деятеля и дипломата Марино Санудо Торчелло «Книга тайн верных креста» [2] (1307–1321), адресованный папе и включавший проект крестового похода против Египта под руководством Венеции, уделил Византии и греческим владениям Венеции значительное внимание. По словам А. Лайу, в ряду пропагандистов крестовых походов Санудо «уникален в своей осведомленности о политических и экономических силах»[3].

Основной базой снабжения войска предполагаемого крестового похода должен был стать венецианский Крит. Санудо отметил необходимость жалования индульгенций критским феудаторам для их участия в торговой блокаде Египта[4]. Это связано с сомнением автора в религиозной надежности крито-венецианцев в условиях процесса синтеза греческой и венецианской элит на острове.

---

[1] Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 40.

[2] Marinus Sanutus Torsellus. Secreta fidelium crucis / Ed. Bongarius. Gesta Dei per francos. V. II. Hannover, 1611.

[3] Laiou A. Marino Sanudo Torsello, Byzantium and the Turks: the Background to the Anti-Turkish League of 1332–1334 // Speculum, Vol. 45, No. 3 (Jul., 1970). P. 374.

[4] Marinus Sanutus Torsellus. Op. cit. P. 31.

В частях трактата Санудо, отведенных истории крестовых походов, византийцы не раз названы Graeculi – «гречишки»[5]. Уничижительное слово применялось в основном тогда, когда речь шла о неприятии греческим духовенством унии с Римом. Санудо с возмущением писал об отказе в погребении Михаилу VIII, принявшему унию,[6] а в письме 1330 г. говорил о василевсе сочувственно, возлагая ответственность за провал унии и отлучение Михаила папой Мартином IV в 1281 г. на Карла Анжуйского[7]. В этом письме венецианец указывал на политический мотив обращения Михаила к унии: «Светлейший король Карл I Сицилийский и Иерусалимский вознамерился завоевать империю Романии <…> А в этой империи император кир Михаил Палеолог, господствовавший в Константинополе и его землях, решил всеми путями и средствами защититься от упомянутого короля»[8]. Падение Латинской империи в 1261 г. воспринималось в венецианском дискурсе как историческая травма. «Потеряв Константинополь, венецианцы свыше тридцати лет верно служили делу его возвращения»[9], – уверял Марино Санудо папу Иоанна XXII. В переписке Санудо не раз заявлял о необходимости возвращения Константинополя под власть папы, но, по его мнению, покорение Византии удалось бы легче и быстрее, если бы ему предшествовало завоевание богатого Египта[10]. В зависимости от текущих внешнеполитических задач Венеции взгляд Санудо на «схизматиков» варьировался. В письме королю Франции Филиппу VI (1334) он отстаивал необходимость союза с Андроником III против усилившихся турок[11]. Для прагматика Санудо Византия была, в первую очередь, объектом экспансии Венеции – либо в качестве цели прямого покорения, либо в положении младшего союзника.

Наиболее значимый текст первой половины XV в. с точки зрения конструирования венецианцами образов Византии и греков, – это хроника канцлера Крита, потомственного нотария Лоренцо де Моначи[12] (1351–1428), написанная им в последние годы жизни. Особая ценность хроники де Моначи в том, что здесь впервые для латинского труда привлечены сочинения византийских авторов Никиты Хониата, Георгия Акрополита, Георгия Пахимера[13].

---

[5] Marinus Sanutus Torsellus. Op. cit. P. 180–181.

[6] Ibid.

[7] Laiou A. Op. cit. P. 389.

[8] Kunstmann F. Studien über Marino Sanudo den Aelteren mit einem Anhange seiner ungedruckten Briefe. München, 1855. P. 773.

[9] Marinus Sanutus Torsellus. Op. cit. P. 72.

[10] См.: Laiou A. Op. cit. P. 376–377.

[11] Ibid. P. 390–391.

[12] Laurentius de Monacis. Chronicon de rebus venetis. Venetiis, 1758.

[13] Карпов С.П. Латинская Романия. СПб., 2000. С. 98.

Правда, с точки зрения румынского венециеведа Щ. Марина, интерес де Моначи к греческой культуре и его уровень владения греческим не стоит преувеличивать: Марин оспаривает устоявшийся взгляд А. Пертузи об использовании хронистом греческих текстов в оригинале, полагая что он пользовался услугами переводчика[14].

По отношению к грекам хронист настроен презрительно. Как и Санудо, де Моначи не брезговал кличкой Graeculi. В рассказе об осаде Константинополя он писал, что крестоносное воинство собралось «против лживых и вероломных гречишек»[15]. Говоря о сражении венецианцев и войск Никейской империи за критскую крепость Бонифацио в 1230 г., хронист не упускает случая восхититься самоотверженностью соотечественников и продемонстрировать трусливое бегство с Крита греческого мегадуки, флот которого вскоре был уничтожен бурей[16]. О Михаиле VIII де Моначи писал: «Примерно в это время после смерти Ватаца и сына его [Феодора II Ласкаря – *Д. В.*] некий грек по имени Палеолог по-тирански захватил власть надо всей Грецией»[17].

Две книги хроники де Моначи, посвященные Криту, – колониальная эпопея, центральный сюжет которой – покорение неспокойного острова венецианцами. Участие Венеции в дележе византийского наследства по итогам IV крестового похода изображено в хронике как водворение мира и порядка на бывших имперских территориях. Причины антивенецианских восстаний критских архонтов в XIII–XIV вв. венецианец видел в якобы природной склонности греков к смуте и разбою[18]. Впрочем, образ архонта Алексея Каллерги, поначалу весьма мятежного, но в 1299 г. пошедшего на почетный договор с Венецией, в хронике не столь однозначен. После землетрясения 1303 г. многие греки уговаривали Каллерги возглавить новое восстание. Архонт ответил, что «самостоятельно этот остров управляться не может», а «иго венецианское» лучше, чем владычество «проклятых» генуэзцев, каталонцев или империи греков[19]. Вероятно, эти слова приписаны де Моначи архонту, чтобы предостеречь критскую элиту от нелояльности метрополии.

Восстание 1363–1368 гг., во время которого крито-венецианская знать в союзе с архонтами провозгласила отдельную от Венеции Республику Св. Тита, хронист Республики

---

[14] Marin S. A Venetian Cronicler in Crete: the Case of Lorenzo de' Monaci and His Possible Byzantine Sources // Italy and Europe's Eastern Border (1204-1669) / Ed. by I. M. Damian, I.-A. Pop, M. St. Popovic, A. Simon. Frankfurt am Main, 2012. P. 256–257.

[15] Laurentius de Monacis. Op. cit. P. 137.

[16] Ibid. P. 156.

[17] Ibid. P. 149.

[18] Ibid. P. 156.

[19] Ibid. P. 163.

объяснял падением нравов венецианцев на Крите: они «перешли к праздности, от праздности – к роскоши, от роскоши – к гордыне»[20], т. е. к тем самым качествам, которые ставились хронистом в вину грекам. Де Моначи, обвиняя венецианцев в уподоблении грекам, выразил неприятие синтеза элит. Хронист подробно описал резню, учиненную в 1363 г. во время Восстания Св. Тита греческим монахом Миллетом против недавних крито-венецианских союзников[21]. Колониальный чиновник предостерегал соотечественников от сближения с архонтами и православной церковью.

В труде Лоренцо де Моначи венецианцы и византийцы предстают антиподами на разных смысловых уровнях. В политическом отношении Венеция смогла, по мнению де Моначи, сохранить древние вольности, а такие фигуры, как дож Марино Фальеро, пытавшийся установить режим личной власти в 1355 г., – единичные безумцы, покусившиеся на «тысячелетнюю свободу»[22]. В Византии, с его точки зрения, тиранства, перевороты и узурпации – обычное явления. Венецианцы – морской народ, у которого «корабль вместо вола»[23]. Византийцам же морская стихия оказалась враждебна. Венецианцам хронист приписывал храбрость и верность, грекам – трусость и вероломство.

Венецианский портрет греков претерпевает серьезные изменения уже к середине XV в. под влиянием двух факторов: османской экспансии и развитию венецианской гуманистической традиции. Гуманист Лауро Квирини (ок. 1420–1475/1479) в трактате «О благородстве. Против Поджо Флорентийца» (1449) отстаивал значимость благородства по крови в полемике с Поджо Браччолини и возводил генеалогию знатных родов Венеции к римским патрициям, а венецианских гражданских институтов – к римским. «В нашей счастливейшей Венецианской республике – восторгался Квирини, – патриции обладают славными ромуловскими душами»[24]. Потомками древних римлян он считал и византийцев, а в Константинополе видел то, чем столица Византии изначально и была, – Новый Рим. Гуманист почтил похвальным словом Юстиниана: «Так и Юстиниан, проницательнейший Цезарь, постановил вечным эдиктом, дабы те, кто исполнял должностные обязанности в Новом Риме, происходившие из патрицианских семей, всегда женились на патрицианках»[25].

---

[20] Laurentius de Monacis. Op. cit. P. 172.

[21] Ibid. P. 179.

[22] Laurentius de Monacis. Op. cit. P. 316.

[23] Ibid. P. 33.

[24] Quirini Lauro. De nobilitate contra Poggium Florentinum // Lauro Quirini Umanista. Studi e testi / a cura di K. Krautter, P. O. Kristeller, A. Pertusi, G. Ravegniani, H. Roob, C. Seno. Firenze, 1977. P. 87.

[25] Ibid. P. 85.

В письме из Кандии папе Николаю V (15 июля 1453 г.) Квирини скорбел о взятии Мехмедом II Константинополя и о судьбе его «граждан, ведущих происхождение от римлян»[26].

Гибель Византии виделась Квирини угрозой христианству и крушением культуры. Квирини писал Николаю V, что во взятой «варварами» столице было уничтожено более 120 тысяч книг, и предрекал гибель греческому языку[27]. Основным достоянием Византии Квирини считал текстовое наследие античности. Традиционный негативизм венецианского нарратива по отношению к грекам в его сочинениях уступил место тревоге за судьбу изящного слова. Византия предстала не антиподом Венеции, как в хронике де Моначи, а сонаследником Рима по крови и нраву, наряду с родиной гуманиста. Примечательно, что византийский современник Квирини, Лаоник Халкокондил воспроизводил в своей «Истории» один из главных топосов венецианской официальной идеологии: «Город венецианцев, кажется, с древних времен управляется в соответствии с добрыми законами, и никто ни разу не пытался разжечь в нем смуту, кроме одного юноши – Байамонте»[28].

В целом, ключевую роль в переходе от противопоставления в венецианском нарративе венецианцев и «вероломных» греков к признанию их общности как частей единого христианского мира и сопреемников Римской империи сыграла османская экспансия. Место главного Другого в венецианском дискурсе отныне прочно заняла Османская империя. «Предсмертный» и «Посмертный» портреты Византии в трудах венецианцев контрастировали с ее «прижизненным» изображением.

Список источников и литературы:

1. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.

2. Карпов С.П. Латинская Романия. СПб., 2000.

3. Kunstmann F. Studien über Marino Sanudo den Aelteren mit einem Anhange seiner ungedruckten Briefe. München, 1855.

4. Laiou A. Marino Sanudo Torsello, Byzantium and the Turks: the Background to the Anti-Turkish League of 1332–1334 // Speculum, Vol. 45, No. 3 (Jul., 1970). P. 374–392.

5. Laonikos Chalkokondyles. The Histories / Translated by A. Kaldellis. Vol. I. Cambridge; London, 2014.

[26] Quirini Lauro. Beatissimo Nicolao V Pontifici Maximo Laurus Quirinus salute in Domino qui est vera salus // Lauro Quirini Umanista. P. 226.

[27] Ibid. P. 227.

[28] Laonikos Chalkokondyles. The Histories, 4.40. Байамонте Тьеполо, предводитель неудавшегося заговора 1310 г. – Д. В.

6. Laurentius de Monacis. Chronicon de rebus Venetis. Venetiis, 1758.
7. Lauro Quirini Umanista. Studi e testi / a cura di K. Krautter, P. O. Kristeller, A. Pertusi, G. Ravegniani, H. Roob, C. Seno. Firenze, 1977.
8. Marin S. A Venetian Cronicler in Crete: the Case of Lorenzo de' Monaci and His Possible Byzantine Sources // Italy and Europe's Eastern Border (1204-1669) / Ed. by I. M. Damian, I.-A. Pop, M. St. Popovic, A. Simon. Frankfurt am Main, 2012. P. 237–257.
9. Marinus Sanutus Torsellus. Secreta fidelium crucis / Ed. Bongarius. Gesta Dei per francos. V. II. Hannover, 1611.